

Свадебное торжество, прерванное дерзкой выходкой Цуй Чжи, завершилось в спешке и смятении. Сыту Хэншань пребывал в ярости. До Хэ Сюэчжэня дошли слухи, что разгневанный глава клана уже отправил по следу наглеца лучших ищеек. Сюэчжэнь всем сердцем надеялся, что кара настигнет беглеца. Однако спустя время Сыту Ни обмолвилась в разговоре: из тех, кого послали убить Цуй Чжи, назад не вернулся никто.

И все же, если закрывалась одна дверь, непременно отворялась другая. Пусть покушение на Цуй Чжи провалилось, совместный поход Даосского дворца Спокойной Мудрости и Семьи Сыту против Школы Наполненных Созвездий продвигался на редкость успешно.

В зале совещаний Школы Наполненных Созвездий царило уныние. Старейшины, чинно восседавшие вдоль стен, хмурились, не скрывая тревоги. Раздор с Даосским дворцом Спокойной Мудрости изначально не стоил и выеденного яйца. Главе школы, приходившемуся зятем настоятелям дворца, следовало лишь явиться с повинной да выставить за ворота Фань Сюэпина. Кто же мог предугадать, что Хэ Чуншань с таким упрямством станет выгораживать своего бастарда, раздув мелкую ссору до масштабов катастрофы? Теперь, когда Семья Сыту и Даосский дворец Спокойной Мудрости объединили силы, они одержали уже три сокрушительные победы кряду. Чжао Чжэньчжэнь прислала официальный отказ от брачного союза, разрывая их узы совершенствования, но ослепленный гордыней глава по-прежнему отказывался склонить голову.

Собрание объявили закрытым. Старейшины расходились, удрученно вздыхая и качая головами. Когда Хэ Чуншань переступил порог зала, он увидел Фань Сюэпина — тот топтался у дверей, не находя себе места от тревоги.

— Отец, быть может, тебе и впрямь стоит выгнать меня из школы? — робко заговорил юноша, умоляюще заглядывая ему в глаза. — Всё зашло слишком далеко, я никогда не желал подобных бед...

Хэ Чуншань тоже тревожился, но его главный козырь еще лежал в рукаве, а значит, исход этой битвы не был предрешен. Если представится случай нанести сокрушительный удар по Даосскому дворцу Спокойной Мудрости и Семье Сыту, Школа Наполненных Созвездий единолично воцарится в Поднебесной! Дело давно вышло за рамки судьбы Фань Сюэпина. Это был кризис, но вместе с тем — величайшая возможность. Сдержанно ободлив сына, Хэ Чуншань покинул павильон и на летящем мече отправился к уединенной пещере для медитаций.

Переступив порог тайной обители, он опустил на циновку и погрузился в созерцание. Его духовное зрение устремилось в глубины золотого царства — туда, где в фиолетовом дворце, заменяя привычный Зародыш Души, мерно пульсировал багровый сгусток плоти, удивительно похожий на живое сердце.

— Да пребудет Владыка Демонов в вечном здравии, — мысленно склонился Хэ Чуншань. — Твой слуга пришел просить о помощи.

Сгусток крови вздрогнул, забился чаще, и из него донесся хриплый, скрежещущий голос:

— Снова из-за этих ничтожеств из Даосского дворца Спокойной Мудрости и семьи Сыту?

— Так и есть! Они объединились против нас. Школа Наполненных Созвездий сильна, но в этой войне на истощение наши силы тают слишком быстро...

Багровый ком презрительно фыркнул:

— Жалкое отребье.

Хэ Чуншань заговорил еще почтительнее, тщательно подбирая слова:

— Умоляю, Владыка, помоги мне еще раз!

Сущность на мгновение затихла, взвешивая решение, после чего снизошла до ответа:

— Я отправлю тебе в подмогу еще десятерых мастеров из моих земель.

Хэ Чуншань помедлил, а затем решился поторговаться:

— Владыка, в прошлый раз ты прислал Кровавого Циня и его приспешников. Но этот негодяй наотрез отказывался подчиняться моим приказам. Стоило первой атаке сорваться, как он тут же сбежал, бросив меня. Справляться с ними — сущая мука.

Действительно, когда повелитель бездны в прошлый раз выделил ему демонических практиков, те раз за разом терпели неудачу, так и не сумев прикончить двух старых даосских священников из Даосского дворца Спокойной Мудрости. Демоны отличались буйным нравом и ни во что не ставили Хэ Чуншаня. Осознав, что легкой победы не видать, а несколько собратьев уже расстались с жизнью, они попросту развернулись и убралась восвояси в свои Демонические земли. Глава школы тогда едва не задохнулся от ярости и затаил глубокую обиду.

Сгусток плоти замер, а затем холодно процедил:

— Теперь они не посмеют перечить. Забери это. Силой своей истинной ци ты сможешь подчинить их волю моей Кровавой жемчужине.

С этими словами от бьющегося сердца отделилась капля багровой влаги и стремительно влетела в лобную долю Хэ Чуншаня, скрывшись в его Нивань-гуне.

Ликуя в душе, Хэ Чуншань рассыпался в благодарностях.

— Используй ее с умом и не привлекай внимания, — предостерег напоследок невидимый собеседник. — Если навлечешь ищеек праведных сект на мои земли, пощады не жди.

Хэ Чуншань поспешно заверил, что все сделает в лучшем виде. Внутри он уже злорадно предвкушал: если в этот раз отряд вновь возглавит упрямый старик Кровавый Цинь, то с заветной жемчужиной в руках он выжмет из этих демонов все соки до последней капли!

Цуй Чжи уже много дней находился в Бездне Спокойных Вод, однако его культивация словно замерла.

Жестокий барьер не поддавался, повергая юношу в ярость и глухое раздражение. Чтобы заглушить грызущую тоску, он целыми днями охотился в окрестностях бездны, безжалостно истребляя нечисть. Его имя наводило такой ужас на демонов и духов, что слабые твари целыми кланами снимались с насиженных мест под покровом ночи, стремясь укрыться в Демонических землях.

В тот день Цуй Чжи вернулся к Ледяному пруду смертельно уставшим, лишенным сил, с ног до головы покрытым чужой кровью. Внезапно в звенящей тишине раздался тихий, до боли знакомый голос:

— Цуй Чжи.

Звуки эти казались невозможными. Это был голос Хэ Сюэчжэня. Цуй Чжи резко обернулся.

Вместо возлюбленного на него хлынули густые клубы алого тумана. Мгновенно задержав дыхание, Цуй Чжи нанес сокрушительный удар мечом. Из багровой дымки с визгом вылетел раненый Демон Очарования и рухнул на камни. Оскалив клыки, он закричал, захлебываясь злобой:

— Проклятый палач! Гори в аду! Я проклинаю тебя! Пусть твой разум навеки утонет в бездне собственных порочных желаний, и ты никогда не узришь свет дня!

Взмах руки — и точный сгусток истинной ци прервал его безумный визг. Бездыханное тело затихло на земле.

Цуй Чжи без сил скользнул в темные воды Ледяного пруда. Его бледный лик отразился в зеркальной глади, а меж бровей зловеще вспыхнула и начала медленно угасать кровавая метка.

"Неужели это сон? Почему тогда всё вокруг кажется столь осязаемым?"

"Нет, это не может быть иллюзией. Это — явь!"

Перед ним стоял Хэ Сюэчжэнь. Его лицо было так близко, а в глубине его глаз светилась та же нежная преданность, что и в былые годы.

— Ты чего? — тихо спросил Сюэчжэнь.

Его деланая холодность и затаенное смущение, когда Цуй Чжи в порыве чувств стиснул его в объятиях, были в точности такими же, какими остались в памяти.

— Цуй Чжи,пусти... Мне дышать нечем, — пробормотал юноша, пытаясь отстраниться. Но едва ощутив, как на его шею упали горячие, обжигающие капли, он замер и мягко притих.

Цуй Чжи и сам понимал, насколько жалко выглядит. Взрослый ведь мужчина, воин, к чему эти телячьи нежности? Держать себя в руках он умел лучше всех на свете.

Но как бы разум ни твердил, что плакать стыдно, он не мог совладать с ураганом, бушевавшим в груди. Уткнувшись в плечо Хэ Сюэчжэня и размазывая слезы по его одеждам, он глухо, сдавленным от рыданий голосом прошептал:

— Мне приснился кошмар. Будто ты заключил брачный союз с другим.

"А еще... мне снилось, что ты расторг нашу помолвку. Что смотрел на меня как на чужака, ласкал другого прямо у меня на глазах и выбросил меня из своей жизни, словно ненужный хлам."

— Глупенький, — Хэ Сюэчжэнь мягко отстранил его, и они вместе опустились на деревянную скамью в тихом дворике. — Это всего лишь пустые видения. Выбрось их из головы, не то накличешь внутренних демонов.

Хэ Сюэчжэнь никогда не умел подбирать мягкие слова — утешения всегда выходили у него сухими и неловкими. Словно извиняясь за собственную резкость, он придвинулся ближе и шутливо, едва ощутимо прикусил Цуй Чжи за кончик носа.

Цуй Чжи приподнял голову. Они соприкоснулись лицами, вдыхая теплое дыхание друг друга. За долгие годы их совместной жизни он так и не разгадал тайный смысл этого детского жеста, но сейчас эта нелепая ласка принесла его израненной душе долгожданное успокоение.

Невидимые оковы пали — его духовный барьер наконец рухнул под напором мощной ци. Ощущая, как чистейшая энергия заполняет меридианы, Цуй Чжи понял: он стал еще на шаг ближе к великому восхождению на Небесный Дао.

Однако теперь, когда рядом был Хэ Сюэчжэнь, вечное бессмертие и величие показались ему тусклыми и незначительными. Он желал лишь одного — проводить каждую свободную минуту со своим возлюбленным.

Раньше он всегда задвигал Сюэчжэня на задний план. Сначала шли совершенствование, величие Семьи Цуй, затем — священный долг перед Фань Сюэпином ради очищения кармы.

Разве он не понимал, почему Сюэчжэнь так горько плакал, когда он бросил его ради похода в тайное царство с Фань Сюэпином? Конечно, понимал.

Просто его слово как Достопочтенного Данььюаня всегда весило больше, чем капризы супруга.

Просто он привык, что Сюэчжэнь безропотно примет любой его поступок и в конце концов уступит.

Просто он верил: как бы сильно Сюэчжэнь ни обижался, он все равно вернется под сень Бездны Спокойных Вод.

Но Цуй Чжи забыл простую истину: любовь, оставленная без ответа, рано или поздно выгорает дотла.

Его ошибки были непростительны. Разве данное обещание могло сравниться с чувствами мужа? Стоило лишь поговорить с Фань Сюэпином, перенести поход — разве это было так сложно?

Теперь он отчетливо видел, почему в тот роковой миг, когда они вместе летели в бездну смерти, глаза Хэ Сюэчжэня горели такой испепеляющей ненавистью.

Цуй Чжи прерывисто вздохнул и осторожно убрал со лба возлюбленного влажную от пота прядь волос.

Хэ Сюэчжэнь выглядел растерянным, словно до конца не верил этой внезапной нежности после близости.

Глядя на его милое замешательство, Цуй Чжи тихо рассмеялся и крепко прижал юношу к своей груди.

Сюэчжэнь прикрыл веки, сморенный сладкой истомой. Его длинные влажные ресницы подрагивали, ложась тонкими тенями на фарфоровую бледность щек.

Он был прекрасен — в любом жесте, в любой черте лица. Хэ Сюэчжэнь редко улыбался другим, но для Цуй Чжи у него всегда находилась та тихая, трепетная нежность, которой не

удостаивался больше никто в поднебесном мире.

Неприступная ледяная глыба таяла, превращаясь в весенний ручей лишь в его объятиях. Существовала ли на свете награда слаще этой? Быть может, в прошлой жизни он просто слишком легко получил это сокровище, потому и не дрожал над ним, не боялся потерять.

Лишь пережив ужас того кошмара, Цуй Чжи осознал: Хэ Сюэчжэнь занимал в его сердце куда больше места, чем он смел себе признать.

— Я боюсь, что даже Небеса начнут завидовать нашему счастью... — прошептал он, прижавшись губами к его виску.

— М-м? — отозвался Сюэчжэнь, не открывая глаз.

Его сонный, тихий вздох заставил сердце Цуй Чжи сжаться от щемящей любви.

Жизнь в Бездне Спокойных Вод текла своим чередом — неторопливо и мирно. Все мысли Цуй Чжи были заняты лишь тренировками да заботой о Сюэчжэне. Время словно утратило свои границы: порой казалось, будто пролетела целая вечность, а порой — что их души слились в союзе лишь вчера. Это зыбкое ощущение нереальности лишало его покоя. И когда на пороге их дома внезапно появился гость, Цуй Чжи застыл в оцепенении.

Фань Сюэпин расплылся в беззаботной улыбке:

— Брат Цуй, ты чего застыл? Не рад моему приходу?

Юноша явился не с пустыми руками — он принес драгоценный артефакт, желая преподнести его Цуй Чжи.

— Брат Цуй, взгляни на это одеяние! Во всей Поднебесной лишь ты достоин носить его. Ни за что не угадаешь, где я его раздобыл!

Словно хвастаясь редкой игрушкой, Фань Сюэпин развернул великолепное парчовое платье и набросил его на плечи Цуй Чжи. Он без умолку щебетал о том, как сорвался с крутого утеса прямо в бушующий водопад, как отыскал под толщей воды скрытую пещеру, одолел жуткую тварь, охранявшую сокровище, и после нечеловеческих испытаний сумел завладеть этим чудом.

Прежде Цуй Чжи находил детскую непосредственность и восхищение Фань Сюэпина милыми, но сейчас его охватила неловкость.

Мальчишка стоял слишком близко, его пальцы порхали по воротнику, поправляя складки и

закатывая рукава... Не слишком ли это интимно для постороннего?

К тому же Хэ Сюэчжэнь стоял поодаль, молча наблюдая за этой сценой.

Цуй Чжи ждал, что Сюэчжэнь, как обычно, вспылит и укажет незваному гостю на дверь. Однако тот хранил ледяное молчание, от которого у Цуй Чжи похолодело внутри.

Наскоро выпроводив Фань Сюэпина, он поспешил к мужу:

— Почему... почему ты промолчал? Он ведь не твой супруг, зачем позволяешь ему так бесцеремонно ко мне прикасаться?

Хэ Сюэчжэнь равнодушно вскинул брови:

— Разве не ты без конца твердил мне, что я должен быть выше этого?

Цуй Чжи лишился дара речи.

Воспоминания хлынули безжалостной волной. Каждый раз, когда Сюэчжэнь упрекал его за близость с Фань Сюэпином, он лишь недоуменно качал головой и мягко выговаривал ему:

"Сюэпин чист душой, к чему эти глупые подозрения? Он спас мне жизнь, я обязан вернуть этот долг, чтобы завершить кармический круг и достичь бессмертия. Будь великодушнее, ведь ты — мой супруг."

Теперь эти же слова, брошенные ему в лицо, лишили его всяких оправданий.

— Если он тебе неприятен, я запрещу ему приходить, — глухо произнес Цуй Чжи.

— Ни к чему. Он ведь твой спаситель, — взгляд Хэ Сюэчжэня оставался непроницаемым, затягивая Цуй Чжи в пучину тревоги. — Мне все равно. Главное, пусть не смеет соваться в мою половину дома.

Цуй Чжи строго-настрого запретил Фань Сюэпину приближаться к покоям мужа.

Однако тот пропустил предостережение мимо ушей. Он не просто вломился в личный сад Хэ Сюэчжэня, но и посмел тронуть его памятные вещи.

Разъяренный Сюэчжэнь не стал сдерживаться и жестоко избил наглеца.

Разум Цуй Чжи затуманился от ужаса.

Каждая деталь, каждое слово этого кошмара наяву казались ему до боли знакомыми. Страх сковал его члены, но он не мог понять причину этого панического ужаса.

Одно оставалось неизменным: израненный Фань Сюэпин лежал при смерти, и спасти его могла лишь Первозданная пилюля.

Цуй Чжи понимал, что Хэ Сюэчжэнь защищал свои границы, но ведь и Фань Сюэпин зашел туда без дурного умысла. Кто мог ожидать столь дикой жестокости со стороны Сюэчжэня?

И все же Фань Сюэпин спас его от гибели. Каковы бы ни были обстоятельства, долг жизни следовало вернуть.

Да, Первозданная пилюля была священной реликвией материнского клана Сюэчжэня. Но ведь без дела она оставалась лишь безжизненным камнем. Цуй Чжи твердо решил, что позже добудет для мужа другие, куда более ценные сокровища в знак примирения.

Он искренне верил, что нашел единственный верный выход, но ледяные когти предчувствия уже сжимали его горло.

Что он упустил? Почему сердце билось так отчаянно, не давая вздохнуть?

Когда Хэ Сюэчжэнь явился за ним —

Когда сверкнула его холодная сталь —

Когда они вместе низверглись в пучину смерти —

Только тогда, за миг до конца, Цуй Чжи прозрел. Но спасительный путь назад уже был отрезан.

Глубоко на дне Ледяного пруда юноша сидел неподвижно, скрестив ноги. Меж его бровей зловещим багрянцем полыхала странная отметина. Лицо Цуй Чжи покрылось каплями ледяного пота, веки мелко подрагивали, а кожа стремительно меняла цвет — от лихорадочного румянца до мертвенной бледности и синевы.

Яд Демона Очарования породил чудовищное видение. Смертельный удар Хэ Сюэчжэня из прошлой жизни, воссозданный его собственным разумом, нанес сокрушительный удар по его

божественному духу. Если он не сумеет вырваться из плена этой иллюзии прямо сейчас, его сознание навеки угаснет во тьме.

Над водой, у самого берега Ледяного пруда, затаились демоны и духи. Они перешептывались, жадно вглядываясь в бурлящую глубину и ловя малейшие колебания духовной энергии.

Каждый из них неистово молил бездну, чтобы этот беспощадный палач испустил дух прямо там, растерзанный собственным безумием.

Вода в пруду бурлила, словно в кипящем котле. Даже сквозь толщу потока ощущались дикие, хаотичные выбросы темной ци, грозившие разнести все вокруг.

Твари замерли, затаив дыхание. Минуло больше суток, прежде чем яростные всплески начали утихать, и водная гладь неохотно разгладилась.

— Свершилось!

— Он мертв! Проклятый демон наконец-то испустил дух!

— Сестрица, твоя смерть отмщена!

Демоны возликовали, готовые пуститься в пляс.

Но в то же мгновение озерная гладь взорвалась ревущим фонтаном брызг.

Волна сокрушительной истинной ци, пропитанная леденящей жаждой крови, пронеслась над берегом ураганом. Тех, кто стоял ближе всех, мгновенно разорвало на куски — их плоть превратилась в кровавое месиво за долю секунды.

Сквозь стену взметнувшейся воды на берег ступил юноша в белых, густо испачканных кровью одеждах. Он походил на вестника грядущего конца света.

В панике выжившие твари бросились врассыпную, однако ярость Цуй Чжи была быстрее любого бегства.

Взмах руки — и еще дюжина демонов беззвучно повалилась на землю, лишившись голов.

Но силы покинули его. Изнуренный борьбой с иллюзией, Цуй Чжи покачнулся и тяжело рухнул на одно колено, едва удерживаясь, чтобы не упасть ничком на окровавленные камни.

Кровавая отметина на лбу исчезла без следа, однако безумие не отпустило его до конца. Цуй

Чжи смотрел перед собой остекленевшим, бессмысленным взглядом, блуждая в лабиринтах разрушенного разума.

— Почему... Сюэчжэнь... — сорвался с его губ едва слышный шепот.

Теперь он больше не мог обманывать себя. Он не исцелился.

И, возможно, не исцелится уже никогда.

<http://bllate.org/book/18268/1750901>